

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.12
EDN IXWOFT

Тип статьи в журнале – научная

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
МОБИЛЬНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
КЛЮЧЕВЫЕ РИСКИ**

**PROFESSIONAL
MOBILITY OF RUSSIAN
YOUTH: KEY RISKS**

© 2023 г.

Д. Н. Мищенко*
С. А. Дюжиков*

* *Институт социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

© 2023

D. N. Mishchenko*
S. A. Dyuzhikov*

* *Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Цель исследования: раскрыть риски профессиональной мобильности российской молодежи в условиях современной реальности российских регионов.

Objective of the study is: to reveal the risks of professional mobility of Russian youth in the conditions of modern reality of Russian regions.

Методологическая база исследования базируется на данных социологических исследований, проведенных в Республике Крым и Ростовской области среди студенческой и рабочей молодежи: 1) опрос студенческой молодежи в возрасте от 17–24 лет (N = 337 – в Ростовской области; N = 652 – в Республике Крым). В опросе принимали участие бакалавры, магистры и аспиранты очной формы обучения; 2) опрос работающей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет (N = 536 – в Ростовской области; N = 548 – в Республике Крым). Выборка исследования – многоступенчатая районированная с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени в разбивке по типу поселения, возрасту, полу, профессиональному статусу.

The methodological basis of the research is based on the data of sociological studies conducted in the Republic of Crimea and the Rostov region among students and working youth. 1) survey of students aged 17-24 years (N = 337 – in the Rostov region; N = 652 – in the Republic of Crimea). Bachelors, masters and postgraduates of full-time education took part in the survey; 2) survey of working youth aged 18 to 35 years (N = 536 – in the Rostov region; N = 548 – in the Republic of Crimea). The sample of the study is a multi-stage zoned with quota selection of observation units (respondents) at the last stage, broken down by type of settlement, age, gender, professional status.

Результаты исследования. Социальные последствия выявленных рисков связаны с нисходящей профессиональной мобильностью,

Research results. The social consequences of the identified risks are associated with downward professional mobility, which manifests

которая проявляется в высокой динамике трудоустроенных молодых работников с высшим образованием в сферах деятельности, далеких от полученной в вузе специальности и не предполагающих полученный уровень профессионального образования. При этом профессиональная несостоятельность не расценивается молодежью как показатель нисходящей социальной мобильности, поскольку доминирующие индикаторы жизненного успеха в молодежной среде не содержат в качестве важнейшего профессиональный компонент.

Перспективы исследования связаны с дальнейшими исследованиями профессионально-трудовых потребностей и мотиваций молодежи в соотношении с процессом профессионального самоопределения и профессионализации на этапе обучения в вузе.

Ключевые слова: профессиональная мобильность; молодежь; профессионализация; профессия; выбор профессии; рынок труда; риск.

itself in the high dynamics of employed young workers with higher education in fields of activity that are far from the specialty received at the university and do not assume the received level of professional education. At the same time, professional insolvency is not regarded by young people as an indicator of downward social mobility, since the dominant indicators of life success in the youth environment do not contain a professional component as the most important.

Prospects of the study are connected with further research of professional and labor needs and motivations of young people in relation to the process of professional self-determination and professionalization at the stage of study at the university.

Keywords: professional mobility; youth; professionalization; profession; choice of profession; labor market; risk.

Введение

Переход мира в стадию «информационного общества», ознаменовавший кардинальную реформу в самой системе общественного производства и институциональной динамики, стал источником порождения множества новых форм общественной жизни и самореализации на рынке труда. Технически сконструированная социальная среда определяет теперь алгоритм организации социальных отношений в сферах образования, воспитания, труда, что порождает множество вопросов, и основной из них заставляет понять: какими качествами должен обладать современный человек в условиях глобализации (Яницкий, 2019).

Для нас принципиально важно ответить на вопрос: какой должна быть российская молодежь, чтобы в условиях глобального мобильного мира с его рисками и угрозами суметь состояться в профессиональном плане и добиться жизненного успеха, поскольку последний тесно связан с профессиональной деятельностью. Какие риски в профессиональном становлении и развитии угрожают в наибольшей степени современной российской молодежи? Какие риски для российской молодежи таит в себе сам процесс профессиональной мобильности, репрезентация которого находит выражение в трех ключевых этапах: выбора профессии,

получения профессионального образования и адаптации на профессиональном рынке труда?

Риски профессионального самоопределения

Риск как сущностное свойство современной молодежи включен в систему ее жизненной самореализации, которая осуществляется в условиях социальной неопределенности и слабой прогнозируемости последствий тех или иных решений, действий, но страх перед неопределенностью и слабой прогнозируемостью совершенного выбора у молодежи выражен в меньшей степени, нежели у взрослых поколений. Молодежь в большей степени стремится ко всему новому и в меньшей степени боится всего нового, несмотря на риски, которые таит в себе новое. Более того, молодежь буквально жаждет всего нового, стремится к экспериментированию в самых различных сферах общественной жизни, в том числе и в профессиональной. И если в советское время, как отмечает В. В. Радаев, выбор жизненной колеи был незначителен (две-три жизненные колеи), причем можно было всю оставшуюся жизнь идти по одной из выбранных, то молодые люди в современную эпоху уже не хотят вставать только в одну определенную колею, с которой ассоциируется постоянная работа, сфера деятельности, организация, один и тот же коллектив, – молодежь стремится к вечно новому, к экспериментам (Радаев, 2019. С. 163).

Безусловно, не вся молодежь стремится к риску, к экспериментам, но сама реальность в информационную эпоху с ее нестабильностью и динамичными изменениями есть пространство постоянного риска. В профессионально-трудовой сфере риск занимает особое место, поскольку само вхождение в профессиональное поле представляет собой в современной ситуации массу рисков, но закладываются они задолго до наступления периода профессионально-трудовой деятельности, на этапе выбора профессии из числа имеющихся вариантов. И в этой связи мы выделяем риски первого этапа – этапа профессионального самоопределения, которые являются производными от процесса выбора профессии. Ключевым здесь, с нашей точки зрения, является средовый фактор, несмотря на то, что сам выбор осуществляется субъектом профессионализации – молодежью. Но сама среда, в которой осуществляется выбор профессии молодежью, определяет этот выбор как далеко несвободный.

Выбор профессии, включенный в систему профессионального самоопределения наряду с профессиональной ориентацией и реализацией профессионального выбора, – это, как пишет Л. А. Семенова, «разрешение противоречия между субъективными предпочтениями индивида и внешней по отношению к нему социальной ситуацией», а потому свободный выбор профессии и учебного заведения значительно сужается (Семенова, 2009).

С самого начала – выбора профессии и получения профессионального образования, еще задолго до выхода на рынок труда, молодежь не имеет четких представлений о том, где и как она будет реализовывать свои профессионально-трудовые потребности, в какой сфере профессиональной деятельности она сможет самореализоваться и сможет ли, в принципе, устроиться на работу по получаемой в образовательном учреждении специальности. А для некоторых это и вовсе не имеет значения – на первом месте стоит задача хорошего трудоустройства, а само направление профессиональной деятельности не является приоритетной установкой. Об этом говорят данные социологических исследований, в том числе регионального характера. Так, интервью с нижегородской молодежью, как следует из работы Т. К. Ростовской и З. Х. Саралиевой, зафиксировали следующие лексемы факторов успеха у молодежи: «образование, любовь, деньги, дом» (Ростовская, Саралиева, 2018. С. 93). Эти атрибуты успешного человека, как видим, не включают профессиональный компонент, а само образование, что также следует из опросов молодежи в исследовании данных ученых, необходимо ей для достижения карьерного успеха и материального благополучия.

Образование входит в число приоритетных ценностей современной российской молодежи во всех регионах страны, но оно не наполняется профессиональным смысловым содержанием. Так, согласно социологическому опросу, проведенному в столице Дагестана (Стофарандова, 2018), для 50 % дагестанской молодежи наличие диплома расценивается как атрибут высокого жизненного статуса, но при этом фиксируется низкий, не соответствующий требованиям работодателей уровень образования выпускников дагестанских вузов, перед которыми, согласно мнению профессорско-преподавательского состава этих вузов, стоит большая проблема, связанная со значительным оттоком абитуриентов в ведущие учебные заведения страны, в результате чего вузы республики вынуждены ориентироваться, для реализации набора, на оставшихся – без учета их интеллектуального уровня. Такая ситуация порождает проблемы на рынке труда, когда уровень образования выпускников вузов является крайне недостаточным для работодателей, а в качестве причины опрошенные работники вузов отмечают также, помимо изначально невысокого уровня контингента, поступающего в дагестанские вузы, сам образовательный процесс. Отмечается, в частности, проблема преподаваемых согласно учебному плану дисциплин, не имеющих конкретный, практико-ориентированный характер при отсутствии должного количества часов практики. В итоге выпускник вуза не имеет никакого практического опыта, востребованного работодателями (Стофарандова, 2018. С. 148).

Вузы, поставленные в условия выживания и при наборе абитуриентов ориентирующиеся на востребованные у родителей и выпускников школ профессии, становятся логической цепочкой искаженной системы профессионального выбора, когда за основу берутся престижность и прибыльность профессии без учета способностей самих субъектов профессионального выбора и особенностей рынка труда, то есть востребованности тех или иных специальностей. В итоге снижается спрос на труд молодежи. Данная ситуация характерна не только для Республики Дагестан. Такие же тенденции, связанные со снижением спроса на труд молодежи, на сложности ее трудоустройства, в том числе сразу после окончания периода профессионального образования, фиксируются во всех субрегионах Северного Кавказа (Омарова и др., 2018), в Крыму (Омарова и др., 2018), в Забайкальском крае (Лаврикова, 2017), в Ивановской, Свердловской и Новосибирской областях (Аврамова, 2018).

Безусловно, каждый регион отличается своей спецификой в области молодежного рынка труда и профессионализации молодежи, и в этом плане ситуация может значительно меняться от региона к региону. Так, в Томской области не столь остро стоит, к примеру, проблема профессиональной самореализации и трудоустройства молодежи, особенно в г. Томске, что ученые связывают с мощным научно-образовательным комплексом и его соответствием современным реалиям, требованиям социальных и экономических вызовов. Более сложная обстановка – в сельских поселениях Томской области. В целом же для данного региона характерна проблема старения населения, и учеными актуализируется проблема притока молодежи в производственно-трудовую сферу (Далибожко, 2017). А согласно данным по всему Сибирскому федеральному округу, что следует из подсчетов специалистов, треть выпускников вузов данного округа вынуждена осуществлять трудовую деятельность вне полученной специальности и на местах, не требующих высшего образования, а каждый восьмой из числа выпускников вузов данного региона занят в неформальном секторе (Стукен, 2017). Согласно данным нашего социологического опроса, более половины (55,8 % – Ростовская область, 53,1 % – Крым) работали в этом секторе без официального оформления (см. табл. 1), при этом более негативно к такой форме работы относится крымская трудящаяся молодежь (10,2 %) против 9,7 % в Ростовской области, соглашающиеся с тем, что фриланс препятствует профессиональному становлению личности, не включенной в пространство профессиональных отношений, профессионального общения и коллективной профессиональной ответственности.

Таблица 1. Опыт работы без официального оформления / регион, в % (работающая молодежь)

Опыт работы без официального оформления	Крым	РО
1. Да, случилось	53,1	55,8
2. Нет, не случилось	43,4	40,9
3. Я и сейчас работаю без официального оформления	3,5	3,4
ВСЕГО	100,0	100,0

В проведенном нами опросе молодежи Крыма и Ростовской области было выявлено, что, по мнению самой молодежи, современный работодатель при приеме молодежи на работу прежде всего ориентируется на опыт и стаж работы (20,2 % – РО и 20,0 % – Крым). Значимыми также молодые люди определили коммуникативные навыки, умение работать с современными информационными технологиями и наличие высшего образования. Примечательно, что для крымской молодежи, с точки зрения восприятия ею требований со стороны работодателей, «трудовая история» со всеми профессиональными передвижениями оказалась даже важнее наличия высшего образования. Для молодежи РО этот фактор также значим, но чуть в меньшей степени (см. табл. 2).

Таблица 2. Значимые факторы при приеме на работу для современного работодателя глазами молодежи / регион, в % (работающая молодежь)

Значимые факторы при приеме на работу для современного работодателя	Результаты	
	Крым	РО
Наличие высшего образования по конкретной специальности	11,1	11,5
Наличие высшего образования в целом (специальность не имеет значения)	8,8	9,2
Опыт и стаж работы	20,0	20,2
«Трудовая история» (частота смены места работы, профессиональной деятельности и т.д.)	11,4	11,1
Коммуникативные навыки; умение общаться и выстраивать коммуникацию	15,4	15,2
Навыки работы с современными информационными и компьютерными технологиями	14,	13,9
Семейный статус (женат/замужем; количество и возраст детей)	6,0	5,9
Место проживания (город/село; отдаленность от места работы)	3,1	3,2
Рекомендации со стороны прежних работодателей, неформальных лиц	7,1	6,9
Пол работника (мужчина/женщина)	3,1	2,9
ВСЕГО	100,0	100,0

Итак, этот период – период профессиональной адаптации, третий в нашей схеме профессиональной мобильности, также, по мнению ученых, связан в большей степени с влиянием внешних (средовых), а не индивидуальных факторов, т. е. характеристик и свойств личности, ее устремлений (Ростовская, 2018). Силы, регулирующие рынок труда, не подконтрольные молодежи, вынуждают ее адаптироваться к условиям рыночных отношений зачастую в формате нестандартной занятости, лишаящей их социальной защиты и перспектив карьерного роста, а потому такая занятость не может рассматриваться как добровольный и эффективный выбор профессиональной траектории. А. М. Панов на данном основании делает вывод о вынужденной профессиональной мобильности как доминантной тенденции в профессиональном развитии российского населения, и молодого прежде всего, а причину этого он усматривает в нерациональности выбора профессии (Панов, 2014. С. 80), в то время как Л. А. Семенова говорит о вынужденном выборе профессии, подчиненном факторам внешней социальной среды (Семенова, 2009), а в результате – низкая мотивация к познавательной активности, получению профессиональных знаний и навыков, невысокий уровень профессиональной компетентности, слабая ориентация на работу по специальности и, как следствие, проблемы на этапе профессиональной адаптации, то есть в период вхождения в профессионально-трудовое поле на рынке труда.

Иными словами, у молодежи не формируются четкие ориентации и установки на профессиональную самореализацию. И масштабы этих данных не могут не внушать опасений за сферу общественного воспроизводства, где молодежи, как и профессиональной компоненте, отводится доминантная позиция (Зубок, Чупров, 2014).

Мы полагаем, что имеет смысл говорить о вынужденном характере и профессионального выбора, и профессиональной мобильности. Последняя выражается в вынужденном уходе из профессии по причине сложностей трудоустройства по специальности, низкой оплате труда. Однако «корень зла» связан с выбором профессии, что также подтверждают данные социологических исследований. Так, опрос молодежи в Тюменской области показал, что высокий уровень оценки ими своей конкурентоспособности на рынке труда напрямую связан с отношением к выбранной профессии: самый высокий уровень самооценки в плане конкурентоспособности был выявлен у той молодежи, которой нравится профессия (88 %), а самый низкий – отметившей, что им не нравится профессия (47 %) (Шафранов-Куцев, Ефимова, 2018).

Отношение к профессии напрямую связано с профессиональным выбором, что подтвердилось в нашем исследовании: полностью

удовлетворенных своей профессией (29,7 %), согласно результатам опроса молодежи Ростовской области, значительно больше среди тех, чей выбор профессии был однозначно самостоятельным. Примерно такие же результаты были получены и при опросе крымской молодежи, что лишний раз подчеркивает и актуализирует значимость профессионального выбора и подготовки молодежи к нему.

Важная зависимость выявлена также между профвыбором и восприятием социального статуса: удовлетворенность им в большей степени свойственна тем, у кого выбор профессии был самостоятельным, хотя при этом, что интересно, большая часть респондентов ростовского сегмента из группы самостоятельно выбравших профессию (30,2 %) сменило профессию за период своей трудовой деятельности. В крымском сегменте опрошенных ситуация примерно такая же (27,9 %), что позволяет предположить, что смена профессии – это характерная черта профессионального поведения современной молодежи в создавшихся условиях, но отношение к этому, отношение к профессии (первой или второй) во многом детерминируется самостоятельностью в профессиональном самоопределении.

Стоит согласиться с выводом специалистов, что одной из причин катастрофического дисбаланса между российским рынком труда и системой образования, а также негативными последствиями профессиональной адаптации является свертывание системы профориентации школьников (Семенова, 2009). Риски профессиональной адаптации, связанные с неясными перспективами трудоустройства, с недовольством собственным образованием, поскольку оно зачастую выбирается стихийно и с целью преодоления риска остаться без образования (потому выбирается доступное, удобное образовательное учреждение), становятся причиной пролонгации периода обучения, получения более качественного и/или соответствующего собственным предпочтениям образования. В этом случае первый цикл в системе профессиональной мобильности, который должен логично завершаться периодом профессиональной адаптации, прерывается и возвращается на первый этап – выбора профессии.

Страхи профессиональной адаптации у молодежи формируются неслучайно, поскольку первое трудоустройство как важнейший этап в профессионализации молодежи и ее последующей профессиональной мобильности проходит достаточно сложно в условиях российских реалий рынка труда. Об этом говорит и низкий уровень оплаты труда молодых работников, и частая смена занятости как по причинам оплаты труда, так и сложностям трудоустройства по специальности. Так, опросы молодежи в Ивановской, Свердловской и Новосибирской областях зафиксировали,

что основной способ трудоустройства – использование связей и знакомств, что намного эффективнее поиска работы по объявлениям, рассылке резюме, обращению в службу занятости и в службу по трудоустройству учебного заведения, а устойчивой занятости способствуют качественное профессиональное образование, эффективная и успешная работа предприятия (организации), социальный капитал молодого работника, однако комплексом этих ресурсов обладают очень немногие – менее 10 % молодежи (Аврамова, 2018). В исследовании Е. Я. Варшавской среди способов поиска работы молодыми выпускниками в качестве распространенных выделяются неформальные: через сеть Интернет, просмотр объявлений о вакансиях, социальные связи, знакомства (друзья, родственники) (Варшавская, 2019. С. 63). Популярной является также комбинированная стратегия поиска работы, синтезирующая формальные и неформальные способы поиска работы. В нашем исследовании приоритет в поиске работы студенческая молодежь отдала интернет-ресурсам (38,8 % – РО и 42,7 % – Крым), что означает: фактор информатизации в эпоху развития цифровых технологий становится значимым при формировании и проявлении самостоятельности молодежи в деле трудоустройства, в процессе поиска своей ниши профессиональной самореализации. При этом она очень хорошо осознает все трудности, с которыми ей придется столкнуться при поиске работы по специальности – остро это осознает студенческая молодежь как Ростовской области, так и Крыма, слабо верящая в то, что удастся найти работу по специальности (табл. 3).

Таблица 3. Оценка сложности трудоустройства по полученной в вузе специальности / регион, в % (студенческая молодежь)

Оценка сложности трудоустройства по полученной в вузе специальности	Крым	РО
1. Думаю, что очень сложно – придется приложить большие усилия, чтобы найти работу по специальности	7,6	6,5
2. Предполагаю, что очень сложно – работу по специальности вряд ли удастся найти	61,3	62,6
3. Думаю, что поиск работы по специальности будет не очень сложным и мне удастся трудоустроиться по специальности	15,1	11,3
4. Уверен, что я легко найду работу по специальности	8,9	8,0
5. Не собираюсь устраиваться на работу по специальности	6,7	8,3
6. Уже работаю по специальности (совмещаю учебу и профессиональную деятельность)	0,4	3,3
ВСЕГО	100,0	100,0

Наш опрос студенческой молодежи в целом подтверждает подобные настроения в молодежной среде России: более 50 % опрошенных как в Крыму, так и в Ростовской области готовы уехать из страны (табл. 4).

Таблица 4. Миграционные установки студенческой молодежи / регион, в % (студенческая молодежь)

Миграционные установки молодежи (если поступило бы предложение уехать работать за границу)	РО	Крым
1. Принял бы предложение уехать работать за границу не раздумывая	20,2	24,9
2. Принял бы предложение уехать работать за границу при гарантии более благоприятных условий трудовой деятельности и перспектив профессионального роста	35,6	25,3
3. Вероятно, принял бы предложение уехать работать за границу при условии, что не навсегда	8,6	5,8
4. Скорее всего не принял предложение уехать работать за границу	27,6	36,4
5. Нет, ни при каких обстоятельствах не принял бы предложение уехать работать за границу	7,1	6,2
6. Затрудняюсь ответить	0,9	1,3
ВСЕГО	100,0	100,0

Как видим, основные риски формируются на этапе профессиональной адаптации, профессионализации на рынке труда. Именно на этапе трудоустройства происходят такие важные процессы, как профессиональное становление, восприятие себя как профессионала, осознание своих профессиональных перспектив и установок, формирование профессиональной траектории.

С этим, видимо, следует связывать достаточно значительное распространение в молодежной среде пессимистических настроений относительно своего профессионального развития. Так, в ходе нашего исследования было выявлено, что 32,6 % работающей молодежи Ростовской области не видят особых перспектив в своем дальнейшем профессиональном развитии (в Крыму – 25,5 %), хотя при этом и оптимистические настроения достаточно распространены (уровень оптимистичных выше по совокупности). Однако и треть пессимистически настроенных молодых респондентов (табл. 5) внушает серьезные опасения. Примечательно, что уровень пессимизма значительно ниже в студенческой среде опрошенной нами молодежи – чуть более 10 % в Ростовской области и менее 10 % – в Крыму, но такая ситуация объясняется скорее всего тем, что студенческая молодежь еще не столкнулась в полной мере со всеми проблемами и рисками рынка труда современной России.

Таблица 5. Самооценка перспектив профессионального развития / регион, в % (работающая молодежь)

Самооценка перспектив профессионального развития	Крым	РО
1. Перспективы довольно большие, связанные с карьерным ростом, повышением социального и материального статуса	29,9	26,9
2. Перспективы своего профессионального развития связываю с дальнейшим профессиональным совершенствованием, профессиональным ростом, но без особого изменения социального статуса и материального положения	37,0	33,8
3. Не вижу особых перспектив в своем дальнейшем профессиональном развитии в сложившихся условиях рынка труда и в рамках осуществляемой на данный момент профессиональной деятельности. Вероятно, все останется на прежнем уровне	25,5	32,6
4. Перспектив профессионального развития в сложившихся условиях рынка труда совсем не вижу. Вероятно, мое социальное и материальное положение только ухудшится со временем	7,5	6,7
ВСЕГО	100,0	100,0

Наш опрос показывает, что молодежь в качестве одной из стратегий адаптации к профессиональному рынку труда и достижения профессионального успеха видит смену профессии: среди молодежи ростовского сегмента такая тактика характерна для 22,6 %, в то время как для крымского – 12,8 % (табл. 6).

Таблица 6. Действия, предпринимаемые в тех случаях, когда не хватает квалификации, профессиональных знаний и навыков, чтобы добиться успеха в профессиональной деятельности / регион, в % (работающая молодежь)

Действия, предпринимаемые в тех случаях, когда не хватает квалификации, профессиональных знаний и навыков, чтобы добиться успеха в профессиональной деятельности	Крым	РО
1. Занимаюсь самообразованием	55,5	48,7
2. Проходил курсы повышения квалификации (компьютерные курсы, курсы иностранных языков и др.)	19,7	18,3
3. Получал дополнительное профессиональное образование	12,0	10,4
4. Осваивал новую профессию	12,8	22,6
ВСЕГО	100,0	100,0

Выводы

Риски профессиональной мобильности российской молодежи представляют собой следствие комплексного влияния средовых и деятельностных факторов. Наибольшее влияние средовые факторы оказывают на

этапе выбора профессии, порождая риски несвободного профессионального самоопределения в логике диктуемых рынком труда и сложившихся стереотипов престижности, прибыльности и востребованности профессий.

Не менее значимы средовые факторы, связанные с увеличивающимся разрывом между системой образования и рынком труда, снижением качества образования, но риски депрофессионализации (неготовность и нежелание работать по специальности, низкий уровень профессиональной подготовки), закладываемые на этом этапе, являются следствием вынужденного выбора профессии.

Риски профессиональной адаптации связаны с реализацией профессиональной траектории по типу транспрофессионализма или множественной профессионализации (деятельностный фактор), и также характеризуются как риски депрофессионализации. Они связаны со стратегией смены профессии, зачастую вынужденной по причине невозможности устроиться на работу по специальности, низкой оплаты и т. д. Опасность рисков данного типа заключается в возможности трансформации профессиональной маргинализации (как следствие ухода из профессиональной деятельности) при несформированности ценности профессии в профессиональную индифферентность – безразличие к какому-либо виду профессиональной деятельности.

Социальные последствия указанных рисков – нисходящая профессиональная мобильность. О ее высокой динамике среди российской молодежи свидетельствует снижение численности трудоустроенных по специальности молодых работников с высшим образованием в сферах деятельности, не предполагающих такой уровень профессионального образования. Однако доминирующие индикаторы жизненного успеха в молодежной среде не содержат профессионального компонента, а потому профессиональная несостоятельность не расценивается молодежью как показатель нисходящей социальной мобильности.

Литература

Аврамова Е. М. Тенденции занятости российской молодежи в регионах / Е. М. Аврамова // Социологические исследования. – 2018. – № 9(413). – С. 130–134. – DOI 10.31857/S013216250001969-8. – EDN YMRIPB.

Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность / Е. Я. Варшавская // Социологические исследования. – 2019. –

References

Avraamova E. M. (2018) Trends in the employment of Russian youth in the regions / E. M. Avraamova // Sociological research. – No. 9(413). – Pp. 130-134. – DOI 10.31857/S013216250001969-8.

Varshavskaya E. Ya. (2019) Strategies of job search by university graduates: prevalence and effectiveness / E. Ya. Varshavskaya // Sociological research. – No. 7. – Pp. 56-66. – DOI 10.31857/S013216250005793-5.

№ 7. – С. 56–66. – DOI 10.31857/S013216250005793-5. – EDN KMCSDS.

Далибожко А. И. Молодежный рынок труда Томской области: основные характеристики / А. И. Далибожко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2017. – № 6(142). – С. 344–356. – DOI 10.14515/monitoring.2017.6.18. – EDN KWQRZJ.

Ефимова Г. З. Конкурентоспособность работающей молодежи на основе самооценок (по данным исследования в Тюменской области) / Г. З. Ефимова, Г. Ф. Шафранов-Куцев // Социологические исследования. – 2018. – № 8(412). – С. 102–107. – DOI 10.31857/S013216250000765-4. – EDN YCNEOL.

Зубок Ю. А. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 2(86). – С. 142–155. – EDN NRBHSN.

Колотовкина А. Вадим Радаев. Миллениалы: как меняется российское общество. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019 / А. Колотовкина // Laboratorium: журнал социальных исследований. – 2021. – № 1. – С. 132–136. – DOI 10.25285/2078-1938-2021-13-1-132-136. – EDN SDQAJB.

Лаврикова В. Н. Региональные особенности молодежного рынка труда (на материалах Забайкальского края) / В. Н. Лаврикова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2017. – Т. 8. – № 6-1. – С. 150–167. – DOI 10.12731/2218-7405-2017-6-150-167. – EDN YTVEGP.

Омарова К. А. Рынок труда Северо-Кавказского федерального округа: анализ ситуации и содействие региональной занятости / К. А. Омарова, Д. С. Куценко, Р. К. Нурмагомедова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2018. – № 12(98). – С. 260–267. – DOI 10.26726/1812-7096-2018-11-260-267. – EDN ZMDVUX.

Панов А. М. Выбор профессии и эффективность распределения трудовых ресурсов

Dalibozhko A. I. (2017) The youth labor market of the Tomsk region: main characteristics / A. I. Dalibozhko // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – No. 6(142). – Pp. 344-356. – DOI 10.14515/monitoring.2017.6.18.

Efimova G. Z. (2018) Competitiveness of working youth based on self-assessments (according to research in the Tyumen region) / G. Z. Efimova, G. F. Shafranov-Kutsev // Sociological research. – No. 8(412). – Pp. 102-107. – DOI 10.31857/S013216250000765-4.

Zubok Yu. A. (2008) Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth / Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov // Monitoring of public opinion: economic and social changes. – No. 2(86). – Pp. 142-155.

Kolotovkina A. (2021) Vadim Radaev. Millennials: how Russian society is changing. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019 / A. Kolotovkina // Laboratory: Journal of Social Research. – No. 1. – Pp. 132-136. – DOI 10.25285/2078-1938-2021-13-1-132-136.

Lavrikova V. N. (2017) Regional features of the youth labor market (based on the materials of the Trans-Baikal Territory) / V. N. Lavrikova // Modern studies of social problems (electronic scientific journal). – Vol. 8. – No. 6-1. – Pp. 150-167. – DOI 10.12731/2218-7405-2017-6-150-167.

Omarova K. A. (2018) Labor market of the North Caucasus Federal District: analysis of the situation and promotion of regional employment / K. A. Omarova, D. S. Kutsenko, R. K. Nurmagomedova // Regional problems of economic transformation. – No. 12(98). – Pp. 260-267. – DOI 10.26726/1812-7096-2018-11-260-267.

Panov A. M. (2014) The choice of profession and the efficiency of the distribution of labor resources in the labor market (on the example of the Vologda region) / A. M. Panov // Professional orientation. – No. 1. – Pp. 77-84.

Rostovskaya T. K. (2018) Employment is a significant factor of personal self-determination of Russian youth / T. K. Rostovskaya // Socio-economic management: theory and practice. – No. 3(34). – Pp. 108-110.

на рынке труда (на примере Вологодской области) / А. М. Панов // Профессиональная ориентация. – 2014. – № 1. – С. 77–84. – EDN TOBWJT.

Ростовская Т. К. Занятость – значимый фактор личностного самоопределения российской молодежи / Т. К. Ростовская // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2018. – № 3(34). – С. 108–110. – EDN МАКРPF.

Ростовская Т. К. Ценностные ориентации молодежи Нижегородской области (результаты регионального социологического исследования) / Т. К. Ростовская, З. Х. М. Саралиева // Вестник ВЭГУ. – 2018. – № 3(95). – С. 89–96. – EDN XRECGL.

Семенова Л. А. Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи / Л. А. Семенова // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология. – 2009. – № 1. – С. 41–49. – EDN MUWOCT.

Стофарандова В. В. Проблемы взаимодействия системы образования, рынка труда и предпочтений молодежи в вопросах профессионального выбора (на примере г. Махачкалы) // РППЭ. – 2018. – № 9(95). – С. 146–154.

Стукен Т. Ю. Качество занятости выпускников на региональных рынках труда / Т. Ю. Стукен // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 33–39. – DOI 10.21603/2500-3372-2018-2-33-39. – EDN YWEFAS.

Цехла С. Ю. Влияние государственной и негосударственной подсистем инфраструктуры рынка труда на развитие молодежного сегмента Республики Крым / С. Ю. Цехла, Е. А. Полищук // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 20. – С. 2721–2734. – DOI 10.18334/gr.17.20.36644. – EDN WYKBQV.

Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок,

Rostovskaya T. K. (2018) Value orientations of goods of the Nizhny Novgorod region (results of a regional sociological study) / T. K. Rostovskaya, Z. H. M. Saraliev // Bulletin of the VEG. – No. 3(95). – Pp 89-96.

Semenova L. A. (2009) Entering the profession and some socio-professional orientations of youth / L. A. Semenova // Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Service. Series: Political Science and Sociology. – No. 1. – Pp. 41-49.

Stofarandova V. V. (2018) Problems of interaction of the education system, the labor market and youth preferences in matters of professional choice (on the example of Makhachkala) // RPE. – No. 9 (95). – Pp. 146-154.

Stuken T. Yu. (2018) The quality of graduates' employment in regional labor markets / T. Yu. Stuken // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. – No. 2. – Pp. 33-39. – DOI 10.21603/2500-3372-2018-2-33-39.

Tsehla S. Yu. (2016) The influence of state and non-state subsystems of the labor market infrastructure on the development of the youth segment of the Republic of Crimea / S. Yu. Tsehla, E. A. Polishchuk // Russian Entrepreneurship. – Vol. 17. – No. 20. – Pp. 2721-2734. – DOI 10.18334/rp.17.20.36644.

Chuprov V. I. (2014) Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction / V. I. Chuprov, Yu. A. Zubok, N. A. Romanovich. – Moscow: Norma Law Publishing House. – 352 p. – ISBN 978-5-91768-444-4.

Yanitsky O. N. (2019) Is social forecasting of the dynamics of the mobile world possible today? / O. N. Yanitsky // Bulletin of the Institute of Sociology. – Vol. 10. – No. 1. – Pp. 11-28. – DOI 10.19181/vis.2019.28.1.554.

Н. А. Романович. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2014. – 352 с. – ISBN 978-5-91768-444-4.

Яницкий О. Н. Возможно ли сегодня социальное прогнозирование динамики мобильного мира? / О. Н. Яницкий // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 11–28. – DOI 10.19181/vis.2019.28.1.554. – EDN RRCYNA.

Для цитирования: *Мищенко Д. Н., Дюзжиков С. А.* Профессиональная мобильность российской молодежи: ключевые риски // Гуманитарий Юга России. – 2023. – Т. 12. – № 1(59). – С. 159–173.
DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.12
EDN IXWOFT

Сведения об авторах

Мищенко Дмитрий Николаевич

Соискатель Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: svet_crimea@list.ru

Дюзжиков Сергей Александрович

Доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой прикладной
конфликтологии и медиации
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 160,
e-mail: duzhikov@sfedu.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 26.12.2022

Получена в доработанном виде –
23.01.2023

Одобрена – 27.01.2023

Information about authors

Dmitry N. Mishchenko

Competitor of the Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str., 160,
e-mail: svet_crimea@list.ru

Sergey A. Dyuzhikov

Doctor of Philosophical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Applied
Conflictology and Mediation,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University

344006, Rostov-on-Don,
Pushkinskaya str, 160,
e-mail: duzhikov@sfedu.ru